

Белоногова

К замыслу «Старосветских помещиков»

Большое значение в творческом становлении Гоголя сыграло его общение с писателями пушкинского круга, начавшееся в 1831 году. Оно на первых порах буквально окрыляло Гоголя. Творчески усваивая мысли, остроты, идеи, высказываемые в этих дружеских беседах, молодой писатель нередко брал их потом «на вооружение» в работе над собственными сочинениями. Подробный свод «плагиатов Гоголя» того времени дал в своем очерке «Великий меланхолик» В.Э. Вацуро (выражение «плагиаты Гоголя» тоже принадлежит В.Э. Вацуро)¹. Это не только известные «передачи сюжетов», не только заимствование приемов, логических ходов в журнальных статьях, но и использование устных рассказов и анекдотов (танцующие стулья в «Носе», коломенский ростовщик-индус в «Портрете», анекдот о том, как сочиняет Пушкин, рассказанный им самим, в «Ревизоре» и так далее).

В дружеский пушкинский кружок входила тогда и Александра Россет, вышедшая в январе 1832 года замуж за Н.М.Смирнова и особенно часто в тот год принимавшая в своем петербургском салоне друзей-писателей. Пушкин и Жуковский, покровительствовавшие молодому Гоголю, ввели его в салон Александры Осиповны. В «Записках А.О.Смирновой», опубликованных в 1894 году, есть упоминания о разговорах Жуковского, Пушкина и Гоголя о гетевском «Фаусте», относящихся к началу 1832 года². И хотя книгу, изданную дочерью Смирновой, до сих пор принято считать источником не вполне достоверным, приведенные в ней в связи с этими упоминаниями высказывания и Жуковского, и Пушкина, выглядят вполне убедительно.

Обращение к Гете в салонных разговорах весной 1832 года было тем более актуальным, что 22 марта того года патриарх европейской литературы скончался. Жуковский был лично знаком с Гете, состоял с ним в переписке, вскоре после смерти великого германского поэта он совершил еще одно паломничество в Веймар и потом, конечно, рассказывал друзьям об этой

поездке. Вполне вероятно, он имел уже и свой экземпляр вышедшей только что в 1832 году в Германии второй части «Фауста». Не исключено, что внимание собеседников привлек предшествующий финалу трагедии эпизод гибели Филемона и Бавкиды в пятом действии. Этот эпизод, символизирующий хрупкость и уязвимость идиллического мира благочестивых супругов из греческого мифа под напором масштабных деяний Фауста, вполне мог стать предметом разговора Жуковского, Пушкина и молодого Гоголя.

Итак, мы подошли непосредственно к теме настоящей статьи. Замысел повести о малороссийских Филемоне и Бавкиде Гоголя принято относить к концу 1832 года, когда Гоголь вернулся из поездки на родину. Обычно он возводится комментаторами к реальному эпизоду – к истории, которую Гоголь услышал от М.С.Щепкина. Об этом вспоминал в своей статье о великом русском актере, опубликованной в «Библиотеке для чтения», А.Н. Афанасьев: «Случай, рассказанный в “Старосветских помещиках”, о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки приняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М.С-ча (Михаила Семеновича – В.Б.). Щепкин как-то рассказал о нем Гоголю, и тот мастерски воспользовался им в своей повести. М.С-ч прочитал повесть и при встрече с автором сказал ему шутя: «А кошка-то моя!» «Зато коты мои!» – отвечал Гоголь...»³

Так вот, если предположить, что Гоголь был участником того гипотетического разговора о «Фаусте» в начале 1832 года, то время замысла «Старосветских помещиков», возможно, сдвигается.

Косвенным подтверждением того, что этот разговор втроем о гетевских Филемоне и Бавкиде мог иметь место и послужить толчком к гоголевскому замыслу, являются строки из письма Гоголя Жуковскому в апреле 1837 года из Рима, где стесненный в средствах Гоголь, «желая прибегнуть к Государю», просит Жуковского дать ход его письму-просьбе о пенсии. «Найдите случай и средство указать как-нибудь государю на мои повести: *Старосветские помещики* и *Тарас Бульба*. Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам. Все недостатки,

которыми они изобилуют, вовсе неприметные были для всех, кроме вас, меня и Пушкина (выделено мной – В.Б.)» (XI, 98).

Что, если это отголосок еще одной «подсказки» старших товарищей по писательскому цеху? На этот раз «подсказка», возможно, состояла в том, что они обратили внимание начинающего сочинителя на знакомый всем мифологический сюжет, парадоксально, с точностью до наоборот использованный Гете. Благочестивых героев в гетевской трагедии ожидает не награда за праведную жизнь и радушие, как в античном предании, а гибель. Может быть, и на этот раз Гоголь налету подхватил мысль и, развивая ее, создал одну из самых глубоких и поэтических своих историй о человеческой жизни?

В исследовательской литературе не раз отмечались гетевские аллюзии в ранних опытах Гоголя, в «Невском проспекте», в «Записках сумасшедшего», в «Мертвых душах». Чаще всего это обращения к вертеровским мотивам. Но есть и фаустовские параллели, например, в «Вие»⁴.

На связь героев гоголевской повести о малороссийских Филемоне и Бавкиде с их «тезками» из «Фауста» тоже не раз указывалось. Однако, как мне кажется, важен и момент опосредованности восприятия Гоголем эпизода из «Фауста». Своего рода, двойное отражение легендарного сюжета. Вернемся к гипотетическому разговору о «Фаусте» в салоне А.О.Смирновой-Россет.

Чем этот разговор мог быть интересен для Пушкина? Написанная им в 1825 году «Сцена из Фауста» наглядно продемонстрировала в глазах не только российских читателей, но и в глазах самого Гете, которого с этим произведением познакомил Жуковский и который остался им очень доволен, – насколько хорошо русский поэт понимал автора «Фауста». При том, что «Сцена» Пушкина по своему сюжету оригинальна. В конце диалога героев на берегу моря раздраженный Фауст, выслушав отчет Мефистофеля о корабле, появившемся на горизонте, задает ему «задачу» – «Все утопить!» «Сейчас», – отвечает тот.

Американский исследователь Андре Гроничка обратил внимание на то, что эти слова пушкинского Фауста, по существу, предвосхитили ненаписанный еще

Гете эпизод уничтожения хижины Филемона и Бавкиды во второй части «Фауста»⁵. Перешагнувший через жизнь Маргариты и ее близких в первой части трагедии Фауст должен был в пылу своей преобразовательской деятельности перешагнуть и через жизни двух стариков, не пожелавших покинуть место, где прожили весь свой век, и мешавших властителю в его высоких начинаниях. И Фауст снова «задает задачу» исполнителю своих желаний: «Переселяй их со двора!» Мефистофель и «трое сильных», исполняя желание Фауста, сжигают дом стариков вместе с его обитателями и их гостем, спасенным ими когда-то странником. Знакомясь с заключительным актом гетевской трагедии, Пушкин мог «узнать» тут свои мысли, в том числе, о враждебном отношении современной европейской цивилизации к человеку.

Эти мысли были близки и Гоголю. Проблема добра и зла как такового всегда волновала его. Пройдет несколько лет, и Гоголь, будто как раз вспомнив Фауста-преобразователя, будет писать в «Выбранных местах» о девятнадцатом веке, «...когда мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех<...>, когда многие только и грезят о том, как преобразовать все человечество». Но чего стоит прогресс, если человек «все человечество готов обнять, как брата, а брата не обнимет». И Гоголь будет ставить под сомнение совершенства «новой гражданской и просвещения» (VIII, 411), то есть, по существу, совершенства западной цивилизации и прогресса, делая упор именно на моральных потерях, которые они несут с собой.

Это будет позже, но уже и в начале своего писательского пути, в пору написания «Вечеров» и «Миргорода», противостояние мировому злу Гоголь рассматривал как одну из главных своих тем. С той лишь разницей, что в начале 1830-х годов об этом противостоянии говорит не столько христианин, сколько художник.

Что берет из античного мифа о благочестивой чете Гете? Тему потопа. Только в греческой легенде принявшие облик двух смертных Зевс и Гермес насылают потоп на деревню негостеприимных фригийцев, оставив лишь дом радушных Филемона и Бавкиды. Фауст же, наоборот, отвоевывает у моря сушу, на которой строит новые жилища, но уничтожает при этом мыс Филемона и

Бавкиды. В гоголевских «Старосветских помещиках» тоже отчетливо читается тема острова, окруженного враждебным и холодным морем. И у Гете, и у Гоголя идиллический мирок стариков заведомо слабее и уязвимее большого и враждебного им мира технократической цивилизации. Это неравное противостояние. И там, и там старики гибнут. Но если у Гете сила, которой противостоят благочестивые супруги, максимально конкретна, персонифицирована и говорлива (Фауст, Мефистофель, трое сильных), то враждебный мир за частоколом старосветских помещиков – многозначен и иррационален. Он довольно туманно очерчен: его населяют и те, «которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку со своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками» (II, 15). И несчастный, убитый горем любовник, потерявший предмет своей страсти, но очень быстро утешившийся. Из этого мира приходит и рассказчик, ностальгически любующийся «островом» старосветских помещиков.

Этот «весь остальной мир» у Гоголя таит смертельную опасность. Хотя это, по преимуществу, мир городской цивилизации, символизируют его не похожие на «городских удальцов» дикие коты из глухого леса, которых Гоголь описывает как-то очень по-человечески. «Это, напротив того, большею частию народ мрачный и дикий; они всегда ходят тощие, худые <...>, крадут сало, являются даже в самой кухне, прыгнувши внезапно в растворенное окно, когда заметят, что повар пошел в бурьян. Вообще никакие благородные чувства им не известны; они живут хищничеством и душат маленьких воробьев в самых их гнездах» (II, 29). В них есть что-то дьявольское. Они даже похожи чем-то на чертей-исполнителей из второй части «Фауста». Неблагодарная кошечка, бывшая любимица Пульхерии Ивановны, свыкшаяся с котами, не смотря на иронию по поводу того, что она «набралась у них романических правил», – образ зловещий. Она «родом» из детского кошмара, где в воображении пятилетнего Никоши Гоголя воплотила в себе все мировое зло, и именно она в итоге станет вестницей смерти и двинет сюжет повести к трагической развязке.

В трагедии Гете история с Филемоном и Бавкидой только эпизод. Он выполняет чисто служебную, подчиненную основному сюжету роль. Тут развеивается еще одна иллюзия Фауста, иллюзия праведной власти, свободной от субъективных чувств властителя и освобождающей властителя от пут совести⁶. Эти герои у Гете, по существу, эмблема.

Гоголь, подхватив идею, развивает параллель с мифом последовательно и детально. Тут и тема еды, и тема гостеприимства (у Гете они только слегка обозначены), и вековые дубы как символ вечной жизни. Только в товстогубовском лесу вековые дубы (как и липы в саду стариков у Гете) гибнут: приказчик тайком от хозяев вырубает их и продает.

Одной из самых значимых параллелей с древним мифом является решение темы смерти героев. У Гоголя и здесь происходит как бы замена знака – плюс меняется на минус. В легенде Зевс дарует добродетельным супругам в ответ на их просьбу – **одновременную смерть**. «Пусть в один день и в один час наступит наша смерть; пусть не увижу я смерти Бавкиды, а она не увидит моей»⁷. Старосветские помещики умирают **врозь**. Смерть Афанасия Ивановича отделена от ухода обожаемой им Пульхерии Ивановны как минимум пятью годами. У Гете супруги умирают, хотя и трагически, но одновременно. В повести о малороссийских Филемоне и Бавкиде смерть Пульхерии Ивановны и растянувшаяся на пять лет трагедия оставленного Афанасия Ивановича – это кульминационные события, повествование переходит тут в совершенно другой регистр, обнажая вдруг бездонную глубину казавшейся поначалу такой примитивной, растительной жизни героев. После развернутой экспозиции, написанной в комически-добродушных, сниженных тонах, именно трагедия этой смертной разлуки вдруг заставляет нас ощутить всю силу большого человеческого чувства, соединявшего супругов.

В «Фаусте» жизнь Филемона и Бавкиды приносится в жертву «высокой цели» главного героя. Лес рубят – щепки летят. Гоголь в трактовке гибели Филемона и Бавкиды более последователен. Конечно, не пожар, как у Гете, а смертная разлука может означать для них истинную гибель. Именно на их маркированную в античном сюжете неразделимость направлено острие

бездушной карающей силы в гоголевской повести. Что касается пожара, то упоминание о нем есть в повести, и тут у Гоголя возможен прямой намек на гетевских стариков (замечено М.Я.Вайскопфом⁸). Но пожар для старосветских помещиков так же нереален, как, например, то, что старый Афанасий Иванович вдруг возьмет ружье и пойдет на войну. Поэтому в «Старосветских помещиках» пожар совсем не страшен, это только повод для всегдашнего подшучивания Афанасия Ивановича над Пульхерией Ивановной «А что, Пульхерия Ивановна, <...>если бы вдруг загорелся дом наш?...» (II, 24).

Итак, если наше предположение верно и первоначальный толчок к замыслу «Старосветских помещиков» связан с разговором в салоне А.О.Смирновой-Россет о «Фаусте» и гетевском преломлении древнего сюжета, это позволяет относить начало работы над повестью не к концу, а к первой половине 1832 года. Впечатления от поездки на родину в Васильевку, которая состоялась в июле-октябре 1832 года и которая наполнила потом повесть яркими красками любимой автором Малороссии и фактами из жизни и истории родительского имения Гоголя, способствовали развитию этого уже существовавшего в воображении писателя замысла о малороссийских Филемоне и Бавкиде.

¹ См.: Вацууро В.Э. Записки комментатора. СПб, 1994. С. 325-332.

² См.: Веселовский А.Н. Жуковский: поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999. С. 286-287.

³ Афанасьев А.Н. М.С.Щепкин и его записки. – Библиотека для чтения, 1864, № 2. С. 8.

⁴ М.Вайскопф обращает внимание на возможное опосредованное через образ старого рудокопа в «Фалунских рудниках» Э.Т.А. Гофмана влияние герметического учения о подземном жизненном духе, воплощенном в I части «Фауста», – на образ Вия (См. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. С. 199).

⁵ Andre v. Gronicka. The Russian Image of Goethe. Philadelphia, 1968.

⁶ *Золотусский И.П.* Фауст и физики // Золотусский И.П. Трепет сердца: Избранные работы. М., 1986. С. 271-278.

⁷ *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. М., 2006. С. 273.

⁸ *Вайскопф М.Я.* Указ.соч. С. 368-369.

АННОТАЦИЯ **статьи «К замыслу “Старосветских помещиков”»**

В статье выдвигается и обосновывается предположение о том, что импульсом к созданию повести «Старосветские помещики» мог послужить разговор о «Фаусте» Гете, состоявшийся в начале 1832 года между В.А.Жуковским, А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем в салоне А.О.Смирновой-Россет. Во второй части трагедии Гете парадоксально использовал древний сюжет о Филемоне и Бавкиде. Подхватив идею, Гоголь решает продолжить и последовательно развернуть эту «аналогию-наоборот». Впечатления от поездки на родину в июле-октябре 1832 года способствовали развитию этого уже существовавшего в воображении писателя замысла о малороссийских Филемоне и Бавкиде.